

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ

ЗОНЫ ВАРИАНТНОСТИ СЛОВ И НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Проблема вариантности, став в последние годы предметом внимания многих языковедов, все же продолжает оставаться и теоретически малоопределенной и практически малоисследованной. Варьирование слов относится то к компетенции истории языка (смена вариантов), то к стилистике (функционирование сосуществующих вариантов), то к ведению социальной лингвистики (социальная стратиграфия вариантов). Еще не изучена хронология возникновения и прекращения вариантности у структурно и генетически различных языковых единиц. Небесспорной остается общая (часто альтернативная) оценка самого факта вариантности: польза или вред для социального использования языковых средств.

Более или менее доказанными и общепринятыми в науке о языке (но отнюдь не в отношении общества к языку) являются следующие общие положения: 1) вариантность — это объективное следствие языкового развития (и поэтому социальный заказ немедленно устранить колебания форм лингвистически несостоятелен); 2) вариантность в современном русском языке в целом постепенно убывает (это проявляется и в уменьшении инвентаря варьирующихся лексем, и в укорачивании вариантного ряда, и в сокращении диапазона варьирования, т. е. в преобразовании полных вариантов в неполные, функционально ограниченные)¹; 3) на определенном этапе развития литературного языка норма может носить компромиссный характер, т. е. быть представленной в виде двух или более вариантов, признаваемых в ортологическом плане относительно равноценными несмотря на их функциональные различия.

Эти положения имеют исключительно важное значение для нормализаторской практики, в основе которой лежит выбор или оценка форм языкового выражения. Весьма плодотворными в этом смысле представляются соображения В. В. Виноградова относительно того, что «инструктивно-регулятивная деятельность немыслима без объективно-исторического исследования» и что при этом должна учитываться неодинаковая «крепость нормы», «степень ее обязательности и широты действия»².

Не связана ли эта неодинаковая «крепость нормы», «степень ее обязательности» с особенностями вариантности? Сравнительное рассмотрение большого свода нормативных оценок и характера варьирования слов позволяет ответить утвердительно на этот вопрос. Вариантность неоднородна, и это во многом предопределяет степень императивности нормы. Возникает задача установления разных зон вариантности, что позволит

¹ В настоящей статье имеется в виду вариантность на уровне слова (в пределах тождества слова). Иногда за увеличение вариантности принимают рост лексического запаса языка (например: *таксист* — *таксёр*, *атомник* — *атомщик*). Однако подобные языковые единицы являются разными словами (однокоренными синонимами), а не вариантами одного слова.

² В. В. Виноградов, Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, М., 1955, стр. 57 и др.

не только дать более правильные (четкие) нормативные рекомендации, но и в отдельных случаях определить характер дальнейших изменений, т. е. предугадать лингвистически перспективную норму. Понятием «зона вариантности» охватываются те языковые факты (в данном случае — группы слов), для которых появление параллельных форм (ударения, словоизменения и т. д.) при сохранении тождества значения представляет собой характерную особенность. Зоны вариантности, естественно, не всегда совпадают с лексико-грамматическими разрядами слов, так как их выделение основывается на особых признаках (причины возникновения вариантов, их отношение к норме).

Разграничение зон вариантности целесообразно начать с установления зависимости между характером вариантности и причинами ее появления в языке. Причины, порождающие варьирование слова, многочисленны и разнохарактерны. Прежде всего следует определить действительные причины варьирования. Встречаются утверждения, что появление вариантности в литературном языке якобы вызвано социально-профессиональными различиями, возрастной структурой общества, функциональным многообразием литературного языка, требованием отдельных жанров художественной речи (например, поэзии). Это не совсем точно. Перечисленные стороны языковой и социальной действительности не являются исходными импульсами, порождающими варьирование, т. е. генетическими причинами в буквальном смысле этого слова. Ни так называемые социальные диалекты, ни возрастные различия общества сами по себе не порождают варьирования. Они лишь поддерживают (иногда усиливают или консервируют) вариантность, являются для нее почвой, «питательной средой», иногда определяют особенности употребления вариантов. Функциональное многообразие литературного языка — не причина, а отчасти следствие самой вариантности. В языке поэзии (особенно богатом вариантами) практически в этом плане нет ничего, чего не существовало бы в зародыше (или в остаточном состоянии) в общелитературном языке.

Действительные причины, порождающие варьирование в современном русском литературном языке, условно можно разделить на две группы: внешние и внутренние (внутрисистемные). К внешним причинам варьирования относятся: 1) влияние территориальных диалектов; 2) контакты русского языка с другими языками (заимствование одного и того же слова из разных языков, влияние языка-посредника, условия билингвизма и пр.). К внутренним причинам варьирования относятся: 1) неэквивалентность формы и содержания, возникающая в результате неравномерного развития этих категорий; 2) многообразие структурных потенциалов языковой системы и ее перестройка в процессе развития языка; 3) фактор аналогии (парадигматической и синтагматической); 4) тенденция к экономии (линейной, или материальной, и мыслительной). Естественно, что при образовании вариантов во всех случаях обнаруживается воздействие фонетических, акцентологических и морфологических закономерностей развития русского языка.

Приведенный перечень имеет весьма общий характер и, конечно, не исчерпывает конкретных причин вариантности, которая в целом обусловлена эволюцией языка и потребностями коммуникации³. Варьирование вызывается часто не одной, а несколькими причинами (комплексом причин). Существует и ряд других факторов (например, изменение частоты и сферы употребления слова), способствующих образованию варьирования. Нельзя не учитывать также социальных преобразований, которые нередко

³ См.: Р. А. Б у д а г о в, Проблемы развития языка, М. — Л., 1965; Л. М. С к р е л и н а, Некоторые вопросы развития языка, Минск, 1973.

служат толчком к изменению формы обозначающего или, наоборот, содействуют сохранению традиции.

Рассмотрение и систематизация вариантов, представленных в современных нормативных словарях, показали, что внутренние причины обычно создают зоны сильного варьирования. В них входят вариантные ряды, члены которых обладают относительно регулярной воспроизводимостью (на определенном этапе развития языка) и нередко функциональным своеобразием. Следствием устойчивости таких вариантов и является компромиссная норма. В словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) такие варианты часто признаются равноценными (*прбжитый* — *прожитый*, *белы* — *бёлы*, *тра́кторы* — *тракторá*), либо один из членов вариантного ряда снабжается пометой «допустимо» (применяется обычно к новообразованиям) или «разговорное» (применяется к новообразованиям, характерным для обиходной речи).

Иное взаимоотношение обнаруживается в зонах слабого варьирования. Здесь для вариантных рядов, как правило, не имеющих свойств регулярной модели, характерны либо противопоставленность актуального варианта устарелому (*засу́ха* — *засу́жа*, *рево́лье́р* — *рево́львер*, *боти́нок* — *боти́нка*, *роя́ль м.* — *роя́ль ж.*, *номе́р* — *ну́мер*, *што́ра* — *сто́ра*), либо противопоставленность нормативного просторечному или ненормативному (*нести* — *несть*, *цвести* — *цвeсть*, *жа́воронок* — *жаворо́нок*, *оспа* — *воспа*, *нрав* — *ндрав* и т. п.). Образование вариантичности обусловлено здесь причинами внешнего характера (местные диалекты, контакт с другими языками), или влиянием прошлых фонетических, акцентологических и морфологических закономерностей, или является результатом взаимодействия этих причин.

Разграничение сильных и слабых зон варьирования в современном языке с точки зрения нормативной квалификации вариантов оправдывается, если рассматривать не отдельные слова, а целые разряды лексики. Современная речевая практика и материал словарей подтверждают, что убывание вариантности происходит главным образом там, где наряду с историческими языковыми закономерностями в образовании варьирования участвовали причины внешнего порядка. В тех же случаях, где действуют психологические и внутрисистемные причины, создающие живые, активные языковые тенденции, сопротивляемость варьирования возрастает и кодификация языка затрудняется.

Это обстоятельство вызвано тем, что оба варианта в сильной зоне вариантичности удовлетворяют критериям нормы, используемым в нормализаторской практике. Признание нормативности языкового факта опирается обычно на неперемное наличие трех признаков: 1) языковой узус, т. е. регулярная употребляемость (воспроизводимость) данного способа выражения; 2) соответствие этого способа возможностям системы литературного языка (с учетом ее исторической перестройки) и 3) общественное одобрение данного узуса; роль судьи в этом случае обычно выпадает на долю образованной части общества.⁴

Рассмотрим с этих позиций некоторые факты современной речи. Форма мн. числа *докто́ра* и накоренное ударение *дру́жит* удовлетворяют всем трем требованиям нормы (наличие узуса, соответствие системным возможностям и общественное одобрение). Иная картина возникает при рассмотрении формы *лекто́ра* и ударения *звóнит*. Хотя оба факта соответствуют

⁴ См.: Е. Д. Поливанов, Где лежат причины языковой эволюции?, «Изб. работы. Статьи по общему языкознанию», М., 1968, стр. 86—89; Г. Пауль, Принципы истории языка, М., 1960, стр. 475, 476; Э. Косериу, Синхрония, диахрония и история, сб. «Новое в лингвистике», III, М., 1963, стр. 198.

системе русского литературного языка, неполнота узуса (например, форма *лекторá* практически встречается только в устной речи) и общественное неодобрение не позволяют признать эти способы выражения нормой современного языка. Здесь не совпадают признаки продуктивности и нормативности вариантов. В третьем случае (это обычно зона сильной вариантности) оба способа выражения (*тра́кторы* и *тракторá*, *мáнит* и *манит*) удовлетворяют указанным критериям нормативной оценки.

При разграничении зон вариантности возможен не только причинный подход, но и рассмотрение вариантности в аспекте распространенности варианта. Какой-либо вариантный ряд может быть характерен или для литературного языка в целом, или преимущественно для его определенной сферы (например, для жанра поэзии). Варьирование может происходить также лишь в той области речевой деятельности, которая находится за пределами литературного языка (например, профессиональный диалект). С этой точки зрения могут быть выделены широкая и узкая зона вариантности. Естественно, что для зоны узкой вариантности (язык поэзии, профессиональный диалект и т. п.) вопрос нормативной оценки приобретает особый характер (часто решается компромиссно) или вообще не ставится.

Рассмотрим отдельные примеры сильного варьирования. В современном русском литературном языке регулярные колебания в ударении испытывают многие страдательные причастия прошедшего времени. Это отчетливо фиксируется и показаниями нормативных словарей, и наблюдениями над постановкой ударения в стихотворных текстах и в живой речи, и данными вопросников. Ср.: *загру́женный* и *загружённый*, *послё́ленный* и *посолённый*, *побелённый* и *побеленный*; *розда́н* и *роздана*, *созва́н* и *созвана*, *продана́* и *продана*, *заперта́* и *заперта*. В отдельных словах ударение может падать на любой слог: *за́литый* — *за́литый* — *зали́тый*, *про́житый* — *про́житый* — *прожи́тый* (в сочетании с существительным «годы» употребляется в современной поэзии практически безразлично). Образование зоны сильной вариантности в ударении у страдательных причастий указанного типа и как следствие — компромиссной нормы произошло под воздействием комплекса причин (иногда противоборствующих):

1. Различие в ударении основ прошедшего и настоящего времени у многих производящих глаголов. Например: *рассмотрéл*, но *рассмо́тришь*. Причастие *рассмо́транный* образуется от основы прошедшего времени, но место ударения перенимает у основы настоящего времени. Уже это создает акцентную неустойчивость.

2. Вариантность ударения у самих производящих глаголов (*гру́зишь* — *грузи́шь*, *про́жил* — *прожи́л*), связанная с перестройкой древней акцентологической системы и с последующим влиянием диалектов.

3. Воздействие внешней аналогии как на производящий глагол, так и непосредственно на причастие. Например: *раздроблённый* (в XVIII в. — *раздроблённый*, в XIX в. — колебание в ударении, в XX в. — *раздроблённый*), хотя в основе настоящего времени: *раздроби́шь*, но не *раздоби́шь*; ср. *окрова́вленный* — *окрова́вишь* (в XVIII в. — *окровавлённый*).

4. Адъективация и закрепление ударения за концом слова (*прожи́тый*, *зали́тый*), аналогия с прилагательными, развивающими окончное ударение (*громовый* > *громовый*, *запасный* > *запасный*). Употребление варианта *зали́тый* подтверждается более чем 30 цитатами из современной поэзии (Твардовский, Сельвинский, Сурков, Грибачев, Ваншенкин, Дудин, Смеляков, Шопин и др.), но оно ограничено лексико-семантически: *зали́тый светом* (*солнцем*, *закатом*, *зарей* и т. п.), что свидетельствует о

постепенном отрыве от глагола. Ср. терминологическое: *залитой свет* о сценическом освещении (Станиславский). Ср. полная адъективация: *налитбе яблоко, занятый человек*.

5. Влияние приставки, закрепляющей, как правило, вторичное (накоренное) ударение: *гружённый* и *гру́женный*, но чаще *догру́женный*.

6. Влияние внутренней аналогии и выравнивание акцентной парадигмы в кратких формах: *прбдан, прбдано, прбданы*, но *продан > прбдана*.

Другим примером сильного акцентологического варьирования может служить колебание ударения многих прилагательных в краткой форме мн. числа (*вёрны — верны́, правы — правы́, белы́ — бёлы, остры́ — бстры* и т. п.). Современная картина ударения здесь особенно противоречива и запутанна, а бесплодность нормализаторского ригоризма очевидна. Декларируемое грамматиками и различными руководствами правило постановки ударения в кратких формах мн. числа согласно ударению в форме ср. рода (*просто — прбсты, близко — близки*) нуждается в радикальном пересмотре. Список форм с окончательным ударением, составленный Н. И. Гречем и дополненный А. Х. Востоковым, неуклонно растет. Колебания исследователей (В. И. Чернышев, А. Б. Шапиро и др.) отражают реальный рост акцентологических несоответствий, появившихся еще в первой половине XIX в. (ср. у Грибоедова: «Примеры мне не нбвы...», «Дома нбвы, но предрассудки стáры»). Отмеченные Л. А. Булаховским факты начавшегося акцентологического сдвига в первой половине XIX в.⁵ не идут ни в какое сравнение с современным «наступлением» окончательного ударения.

Обычными для современного языка (это подтверждается данными вопросов и наблюдениями над стихотворными текстами) стали: *близкий, верны́, видны́, глухй* (зафиксировано у М. Исаковского, А. Яшина, Л. Ошанина, Р. Казаковой, М. Львова, М. Дудина, Е. Винокурова, А. Твардовского), *горды́, горькй, грубы́, мертвы́, мутны́, правы́, просты́, прямы́, скромны́, скучны́, слышны́, страшны́, стройны́, сухй, тихй, точны́* и т. п. Этот акцентологический узус далеко не всегда соответствует нормативному канону. Реже наблюдается «незакономерная» оттяжка ударения на первый слог: *белы́ > бёлы, остры́ > бстры* (исконно здесь окситонированная акцентная парадигма). Однако уже в XIX в. встречается *бёлы* (Пушкин, Вяземский). Равноценность вариантов *белы́ — бёлы* признает словарь Грота.

Каковы причины этой акцентологической пестроты и вынужденной компромиссности нормативных оценок? В силу многих обстоятельств (в том числе и аналогического воздействия) к XVII в. старая система акцентологических парадигм оказалась расшатанной и опора на ударение в форме ср. рода стала иллюзорной, так как и здесь издавна наблюдается колебание. Например, в словаре Даля: *го́ло* и *голб́*; реконструируемое праславянское (и сербское) — неподвижное ударение на окончании: *голб́*. Необычайно пестрая и противоречивая картина ударения в диалектной речи (*бёло — белб́*) засвидетельствована В. И. Чернышевым. По свидетельству В. В. Колесова, в определенных синтагматических условиях (например, в лексически устойчивых адъективных сочетаниях с предлогом) прилагательные, относящиеся к баритонированной и подвижной парадигмам, в былинной речи получали несвойственное данному типу ударение: *на резв́и ноги, на крут́и горы*⁶. Разнобой усиливался в связи с

⁵ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, М., 1954, стр. 194—196.

⁶ В. В. Колесов, Интонация и ударение в древнерусском словосочетании (адъективные словосочетания в произведениях былинного эпоса), «Уч. зап. [ЛГУ]», Серия филол. наук, 77, 1973.

употреблением в XVIII — начале XIX в. искусственных образований — усеченных прилагательных, сохраняющих место ударения членной формы, ср.: *мра́чна ночь, ве́рны зна́ки* (Ломоносов). На возможность и более поздней аналогии с ударением в полных формах при грамматическом параллелизме (особенно в полупредикативной функции) указывали Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, В. В. Колесов. По мнению А. Б. Шапиро, распространению окончательного ударения способствовало влияние формы жен. рода (*ве́рнѣя*), а также тенденция к переносу ударения с основы на окончание у существительных (*го́да, сне́га*)⁷.

Перемещению ударения в кратких формах мн. числа на флексию способствовали также: 1) влияние прилагательных, имеющих только окончательное ударение в кратких формах мн. числа: *бо́льнѣй, сме́шнѣй, горя́чѣй, хоро́шѣй* и т. д.; 2) различительная роль ударения в грамматических противопоставлениях: а) морфологическое разграничение — наречие *ма́ло* (*оста́лось ма́ло времени*) и прилагательное *малѣ́й* (*платье ма́лѣй*), соответственно: *брю́ки ма́лы*; б) синтаксическое разграничение — атрибутивная функция: *ве́рные слуги* (*ве́рны слуги* — в XVIII в. и фольклоре) и предикативная функция: *слуга́ ему ве́рны*⁸; 3) слабая контрастность (опознаваемость) согласных, особенно сонорных, в заударном слоге перед *ы* и нежелательность редукции гласного в грамматически значимой позиции (общие предпосылки акцентологических преобразований).

При всей внешней несхожести двух рассмотренных примеров в них наблюдается существенный общий признак — постепенное складывание стереотипа ударения, освобождающегося от противоречивых и частных воздействий (диалектное влияние, книжная традиция и т. д.). У страдательных причастий ударение постепенно фиксируется на корне, что соответствует общей тенденции к корневому ударению у некоторых форм глаголов. У кратких форм прилагательных во мн. числе ударение фиксируется на флексии, что усиливает грамматическую информацию и поддерживается морфологическими, синтаксическими и фонетическими факторами.

Примером сильного варьирования в морфологии может служить конкуренция форм мн. числа существительных муж. рода (*топо́ля — то́поли, тра́кторѣ — тра́кторы*). Эта поистине драматическая страница в русистике остается и сейчас ареной споров, выходящих за пределы узколингвистических интересов. Возникновению и развитию форм на *-ѣ (-я)* посвящена обширная литература. Обобщая имеющиеся наблюдения, можно говорить о действии сложного комплекса причин: 1) наличие ряда акцентологических предпосылок: исконное нисходящее ударение на основе слова; закрепленность ударения за корнем в формах ед. числа у односложных слов и не за последним слогом в дву- и трехсложных словах; оттяжка ударения с последнего слога (*прѣ́вод, о́бговор* и т. п.); 2) влияние грамматической аналогии; 3) различная предрасположенность к образованию форм на *-ѣ (-я)* у отдельных суффиксальных образований; 4) семантический фактор (одушевленное или неодушевленное существительное, конкретная или абстрактная лексика, прямое или переносное значение); 5) источник происхождения слова (русское или заимствованное);

⁷ А. Б. Шапи́ро, Ударение в кратких прилагательных, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания]», 1, 1952.

⁸ Особенно интенсивно ударение переходит на флексию у кратких форм прилагательных с зависимым словом: *ве́рны (чему) — кля́тве, прися́ге, роди́не* и т. д.; *полны́ (чего) — энерги́и, отва́ги, ужа́са или полны́ (чем) — лю́дьми, водо́й, запа́хами* и т. д. Предполагаемая семантическая специализация акцентологических вариантов (*мы ве́рны́ кля́тве — ва́ши на́блюдения ве́рны*) оказывается нередко факультативной и данными анкетирования, проведенного мною осенью 1973 г. в Ленинградском государственном университете, не подтверждается.

6) сфера употребления (ср. книжная традиция и профессиональное просторечие) и стилистическая окраска слова. Все это создает крайне запутанный узел взаимодействия вариантов, осложненный часто категорическими и противоречивыми нормативными оценками. При этом зона вариантности в пределах рассматриваемых колебаний неоднородна и продуктивность форм на *-á* (*-я́*) чаще оказывается в большей зависимости не от семантико-стилистических факторов, как это обычно принято считать, а от фонетико-морфологических признаков и степени употребительности (частотности) слова.

Интенсивность варьирования форм на *-á* (*-я́*) и *-ы* (*-и*), во-первых, обусловлена длиной слова (количеством слогов). В современном языке варианты мн. числа наиболее активно образуются и воспроизводятся у двусложных слов. В односложных же словах варьирование в основной массе слов или постепенно угасает (ср. формы *стого́*, *века́*, *края́*, которые практически стали однозначной нормой) или сохраняется в профессиональной и ненормированной речи, подвергаясь строгому нормализаторскому запрету (ср. *торта́*, *суна́*, *горна́* и т. п.). По существу сильное варьирование и компромиссная норма у односложных слов представлено сейчас единичными лексемами, либо имеющими давнюю поэтическую традицию (*годы́* — *года́*, *громы́* — *грома́*), либо получившими вариантные формы сравнительно недавно (*цехи́* — *цеха́*). Одной из причин угасания варьирования у односложных слов служит активное развитие перемещающегося ударения в формах косвенных падежей ед. числа: *холм*, род. *холма́* (устар. *холма*), *пруд*, род. *пруда́* (устар. *пру́да*), *мост*, род. *моста́*, и *моста́*⁹. Новая форма род. падежа (*холма́*) препятствует образованию мн. числа на *-á* в силу омонимического отталкивания¹⁰. Форма мн. числа *холмы́*, широко представленная в литературе XIX в., оказалась коммуникативно менее пригодной (чем узаконенная сейчас форма *холмы́*) вследствие редукции заударного гласного в грамматически значимой позиции и качественного изменения сонорного в заударном слоге перед *ы*. Упорно сопротивляются вхождению форм на *-á* (*-я́*) односложные существительные с ударным *-и́* (*-и́*) во мн. числе: *гурты́*, *ряды́*, *возы́*, *гербы́*, *штабы́* и т. п. Сравнительно редко наблюдается варьирование в словах, имеющих более двух слогов. Исключение представляет группа (около 40 слов) на *-тор*: *прое́кторы* — *прое́ктора́*, *инстру́кторы* — *инстру́ктора́*. В других многосложных словах варьирование сейчас практически угасает (ср. в XIX в.: *смотрíteли* и *смотрителя́*, *попечíteли* и *попечителя́*).

В зону сильной вариантности входят главным образом двусложные слова муж. рода с ударением на первом слоге, причем и здесь могут быть намечены участки с разной интенсивностью варьирования. У слов русского происхождения (или ранних заимствований) с основой не на сонорный звук варьирование представлено слабее (ср. *кузовá* и *ку́зовы*, *парусá* и *пáрусы*, *отпускá* и *отпу́ски*). Наиболее «горячий участок» — это двусложные заимствованные (и некоторые русские) слова с сонорным звуком (особенно с плавным: *р* и *р'*, *л* и *л'*) в конце основы. Смысловый фактор не играет здесь существенной роли. Ср. лексически разнородные варианты с плавными звуками в конце основы: *катера* — *катеры́*, *тенора* — *те-*

⁹ По свидетельству исследователей современной устной речи, более половины существительных, развивающих подвижное ударение, приходится именно на односложные слова муж. рода. Некоторые склонны видеть здесь южнорусское диалектное влияние. См.: А. С. Афанасьева, О развитии перемещающегося ударения односложных существительных мужского рода в устной речи (на материале речи жителей Воронежа), «Уч. зап. [Курск. гос. пед. ин-та]», 72, 3, 1970.

¹⁰ Формы мн. числа *моста́*, *холма́* зафиксированы в говорах. См.: С. П. Оборский, Именное склонение в современном русском языке, 2, Л., 1931, стр. 15. 16.

норы, клевера — клеверы, веера — вееры, якоря — якоря, егера — егери, слесаря — слесари, купола — куполы, шомпола — шомполы, векселя — вексели, вентиля — вентиля, вертела — вертелы, тополя — тополи, пекаря — пекари, соболя — соболи. Перечисленные продуктивные варианты неоднородны и в структурном отношении, здесь представлены слова на -ер, -ор, -орь, -арь, -ол, -оль, -ел, -ель, -иль.

Удельный вес таких вариантов с плавным согласным в конце основы определялся по двум источникам. Согласно данным обратных словарей, более 30% слов на плавный согласный (учитывались дву- и трехсложные слова с ударением не на последнем слоге) практически способны иметь формы на -ы (-и) и -á(-я). Это наивысший показатель для слов муж. рода ¹¹. Другим свидетельством послужил общий свод форм на -á(-я), составленный Т. А. Ивановой ¹² и насчитывающий 648 слов. Они были распределены соответственно конечному звуку основы. В результате выяснилось, что 339 слов (т. е. больше 50%) имеют основу на сонорный звук (причем чаще всего на *р* или *л*). При этом многие приведенные в списке образования на -á(-я) у слов не на плавный согласный сейчас неупотребительны (например: *полкá, кустá, дубá, мысá* и пр.). Подавляющее преобладание среди вариантов на -ы(-и) и -á(-я) существительных с основой на плавный согласный едва ли является случайностью. Однако объяснения этому морфолого-фонетическому явлению пока нет, хотя упоминания о распространённости форм на -á(-я) у существительных именно с основами на *р* и *л* имеются у С. П. Обнорского, Л. Больё и Б. Унбегауна ¹³.

Представляется вероятным, что интенсивное морфологическое преобразование может иметь здесь фонетические предпосылки. Известно и подтверждено экспериментально, что именно сонорные (и особенно плавные) в заударном слоге (и особенно перед *ы/и*) сильнее всего изменяются в качественном отношении. В этой позиции они обладают минимальной контрастностью и чрезвычайно низкой опознаваемостью ¹⁴. В ударном же слоге и 'не перед *ы/и*, а перед *á* сонорные получают большую контрастность и четче выявляют дифференциальные полезные признаки. Таким образом, с точки зрения опознаваемости фонемы *р* слог с ударным *á/я* (*якоря*) оказывается предпочтительнее заударного слога с *ы/и* (*якори*). Возможно, именно этот фонетический фактор и сыграл определенную роль в активизации варьирования форм существительных с основами на плавный и в образовании впоследствии более широкого морфологического стереотипа.

Иные причины лежат в основе образования зон сильной синтаксической вариантности (предметом рассмотрения здесь служат параллельные и грамматически однозначные формы управления у одного и того же слова). На перестройку формы управления воздействуют главным образом неэквивалентность содержания и формы, а также смысловая и формаль-

¹¹ Например, у двусложных слов муж. рода с основой на щелевой звук (*с*) образование форм мн. числа на -á (-я) происходит менее интенсивно (около 10% от общего количества слов на *с*). Ср. варианты: *адреса* — *адресы*, *корпуса* — *корпусы*, *плитуса* — *плитусы*, *полюса* — *полюсы*, *пояса* — *поясы*; но только: *ребусы*, *градусы*, *глобусы*, *фокусы*, *кактусы*, *тезисы*, *бицепсы*, *конкурсы*, *импульсы*, *комплексы*, *индексы*, *кодексы* и мн. др.

¹² Т. А. И в а н о в а, Именительный множественного на -а (*родá, тенорá, госпиталá*) в современном русском языке, сб. «Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалистической революции», Л., 1967.

¹³ С. П. О б н о р с к и й, Именное склонение в современном русском языке, стр. 44; L. B e a u l i e u x, L'extension du pluriel masculin en -á, -я en russe moderne, MSLP, 18, 3, 1913, стр. 202; B. U n b e g a u n, Grammaire russe, Paris, 1951, стр. 54.

¹⁴ См.: Л. В. Б о н д а р к о, Слоговая структура речи и дифференциальные признаки фонем. АКД, Л., 1969, стр. 20–27.

ная аналогия. Иногда толчком к изменению грамматической формы могут явиться и социальные изменения.

Типичным примером сильного варьирования, возникшего в связи с неэквивалентностью содержания и формы и последующим воздействием внешней аналогии, может служить параллельное управление у глагола *вершить*: *вершить (что) судьбы* или *вершить (чем) судьбами*. Судя по письменным источникам прошлого, глагол *вершить* в XVIII—XIX вв. был переходным и употреблялся в значении «оканчивать, совершать» с узким кругом семантически близких слов (*суд, дело, судебное дело*). «Валентность» этого глагола начинает практически изменяться лишь в XX в. Он вступает в сочетание со словами иного семантического ряда — *история, судьба* и т. п., первоначально по-прежнему требуя от управляемых существительных только вин. падежа: *вершить историю* (Слудский), *вершить судьбу* (Фадеев). Воздействие нового окружения приводит к появлению нового значения: «распоряжаться, управлять». Этому значению перестает соответствовать старая управляемая форма вин. падежа, и под влиянием внешней аналогии глагол *вершить* перенимает новую форму управления (твор. падеж) у синонимических слов *управлять, распоряжаться*. Такова одна из общих и очень продуктивных схем образования сильного варьирования в управлении.

Изменения в социальной жизни и необходимость обозначения нового содержания проявляются в языке не только в образовании новых слов. Возникают и новые словосочетания («словесные блоки»). В стандартизованных словоблоках создаются и устойчивые грамматические связи, нередко вызывающие перестройку старой формы управления и появление вариантности.

Характерным примером изменения синтаксических свойств слова в этом отношении может служить варьирование дат. и род. падежей в составе трехчленных глагольно-именных сочетаний при словах *итог, предел, цена* и др.; ср.: *подвести итоги соревнованию* и *подвести итоги соревнования*. Оба варианта широко представлены в современной речи. При образовании данного варьирования оказались важными типичность (устойчивость) лексической связи между компонентами и их внутреннее взаимоотношение в структуре словосочетания. В двучленном субстантивном сочетании слово *итог* управляет только род. падежом (*итог соревнования*). В трехчленном же сочетании вариантность возникает в зависимости от сознательного (или подсознательного) членения этого словосочетания, выделения в нем главного и зависимого компонентов: *подвести итог (чему?) соревнованию* (дат. падеж), *подвести (что?) итог соревнования* (род. падеж). Регулярная повторяемость характерных для современной действительности стандартных субстантивных сочетаний типа: *итог соревнования (итог работы, итог выполнения, итог тренировки, итог эксперимента и т. п.)* ведет к переразложению трехчленного словосочетания, расшатыванию старой нормы и возникновению варьирования¹⁵.

Это, естественно, упрощенная модель. Лексическая ограниченность и синтаксическая зависимость (грамматическое значение, позиция в стандартных конструкциях, инверсия, наличие определяющих слов и т. д.)

¹⁵ Эта же причина лежит в основе образования вариантов *положить предел терпению и терпения, знать цену деньгам и денег, найти (дать) объяснение новому факту и нового факта* и др. Ср.: «Мы знаем грядущему цену...» (А. Твардовский, О юности); «Люди, у которых жизнь высушила сердце, знают цену такого существования» (М. Горький, Извозчик); «Шацкий принадлежал к людям, привыкшим давать объяснения всему» (К. Паустовский, Кара-Бугаз); «Да, но это мало — заметить!... Найти верное объяснение этого акустического изменения» (А. Цветаева, Из прошлого).

создают своеобразие условий для образования варьирования в управлении.

Рассмотренные факты акцентологического, морфологического и синтаксического сильного варьирования на уровне слова объединяются несколькими общими признаками: 1) в основном они принадлежат к актуальной, широко употребительной лексике (это обстоятельство весьма существенно, так как оно увеличивает возможности «соприкосновения» слов и создания новых смысловых и формальных аналогий); 2) предпосылки образования этих вариантов лежат внутри языковой системы, в русле живых, активных процессов; 3) члены вариантного ряда регулярно воспроизводятся в современном литературном языке; 4) их функциональные различия, как правило, не превышают порога, допускающего взаимозамену; 5) в нормативных словарях они обычно характеризуются как равноценные или допустимые.

Выше отмечалось, что разграничение зон сильного и слабого варьирования имеет относительный характер и применимо с точки зрения нормализаторской практики лишь к целым разрядам слов. Некоторые вариантные пары не укладываются в эту общую схему. Так, например, если можно говорить, что все иноязычные слова на *-лог* и на *-граф* входят теперь в зону слабого варьирования (еще в словаре Грота равноценными признавались *диалектблог* и *диалектолбг*, а в словаре Ушакова — *лексикбграф* и *лексикогграф*), то у многих отдельных иноязычных слов (например, *трапéза* и *трапéза* — колебание известно с XVI в.) мы и сейчас констатируем компромиссную норму. Поэтому, опираясь в целом на сравнительно регулярную зависимость нормативных оценок от характера вариантности, следует учитывать и семантику варианта, и его положение в стилистической системе языка, и другие индивидуальные особенности функционирования слова. При всей относительности результатов выделение зон варьирования все же дает практической нормализаторской работе некий общий ориентир, позволяющий в известной степени преодолеть эмпиризм и излишнюю зависимость от материала, не всегда достаточно полного и освобожденного от случайностей.